

DOI: 10.46698/h8924-0516-3476-q

ЛОКАЛЬНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ В РУССКОМ РЕГИОЛЕКТЕ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

Б. В. Кунавин
И. А. Лазарова

Актуальность рассматриваемой проблемы в общелингвистическом аспекте связана с региональным варьированием русского языка, а в частноязыковедческом плане с недостаточной его изученностью на территории РСО-А. Такое изучение дает возможность познакомиться с особенностями его функционирования в поликультурном пространстве, взаимодействием с различными сферами осетинской языковой картины мира, а также выявить региональные культурные маркеры. Цель исследования состоит в изучении в коммуникативном пространстве РСО-А лексико-семантических особенностей регионального варианта русского языка, обусловленных лексическими заимствованиями из осетинского языка, отражающими воздействие осетинской культуры на русскую региональную культуру. Для достижения поставленной цели использовались следующие методы: описательный (сбор материала, обработка, интерпретация и обобщение), включающий приемы сопоставления, типологизации анализируемого материала; социолингвистический (методика наблюдения, включающая анкетирование, интервьюирование, эксперимент); лингвокультурологический, предусматривающий исследование языковых явлений в тесной связи с культурой носителей языка. Научная новизна работы заключается в том, что в ней исследованы актуальные, социально и культурно значимые для современного местного русскоязычного социума осетинские регионализмы, выявлены сферы языковой картины мира носителей русского языка, наиболее подверженные влиянию со стороны осетинского языка. Установлено, что функционирование осетинских локализмов носителями русского языка обусловлено психологическим, социальным, культурным взаимодействием с носителями осетинского языка. Динамика функционирования регионализмов зависит не только от их собственного языкового «веса», но и культурной значимости. Доказано, что использование русскоязычными говорящими осетинских регионализмов не ощущается ими в качестве непрестижного, а рассматривается как средство их идентификации в культурном пространстве своего региона, что обусловлено как историческими, так и социокультурными причинами. В результате исследования авторы пришли к выводу о связи регионального варианта русского языка на территории РСО-А с процессом заимствования, который демонстрирует различную степень освоения и тем самым устойчивого и ситуативного употребления заимствованного из осетинского языка слова в русском высказывании. Лексико-семантическая специфика регионального варианта русского языка на территории РСО-А заключается в том, что он включает в свой состав определенное количество осетинских регионализмов, заполняющих существующие лакуны в основном в сфере бытового общения. Употребление осетинских регионализмов носителями русского языка всегда мотивировано: регионализм выступает в качестве единицы особого номинативного, семантического, экспрессивного содержания, функционирующей в ситуации непринужденного общения, когда социальный контроль за речью проявляется в меньшей степени. Именно эти качества обеспечивают устойчивость региональных явлений в русском языке. Регионализмы неоднородны в лексико-грамматическом и семантико-тематическом аспектах.

Ключевые слова: *региолект, регионализм, культурный маркер, региональная субкультура, языковая картина мира, полилингвальный социум, локализм, лексика.*

В настоящее время отношения в мире между народами развиваются в двух прямо противоположных направлениях. С одной стороны, идут интенсивные процессы глобализации, стирающие национальные и региональные особенности, возникают разнообразные наднациональные организации, органы власти и др., а с другой стороны, продолжаются и дезинтеграционные процессы: образуются новые государства в результате распада некогда единых стран, отчетливо прослеживается стремление этносов сохранить свой язык, свою национальную культуру, особенности своего региона. И в этом смысле важную роль играет изучение региональных культур, региональных вариантов национального языка, ибо на основе их своеобразия и создается единая культура страны, происходят изменения в языке межнационального общения, являющемся важнейшим интегратором в многонациональном, мультикультурном и полилингвальном социуме.

При этом региональный вариант национального языка, именуемый в научной литературе термином «региолект», является ярким маркером территории, выразителем региональной субкультуры. Следовательно, путем использования лингвистического инструментария при исследовании региолекта можно проследить и эволюцию региональной субкультуры и своеобразие течений региональных языковых процессов [1, 186-201]. Сказанным определяется актуальность статьи.

К настоящему времени в изучении региолектов накоплен определенный опыт. Так, в некоторых работах предпринимаются попытки определения сущности региолекта, особенностей

его функционирования, места в системе национального языка, отношения к норме и др. [2, 157; 3, 23; 4, 14; 5, 119-136; 6, 32-36; 7, 300; 8]

Поскольку существующие определения противоречивы, мы в данной статье предлагаем собственную дефиницию региолекта, заключающуюся в том, что региолект представляет собой разновидность регионально-маркированной устной речи, основу которой составляет литературный язык в сопряжении с территориальными языковыми особенностями, унаследованными из диалектов, регионально маркированными разговорными явлениями, просторечиями, локальными заимствованиями. Именно последние и являются предметом рассмотрения в настоящей работе.

В существующих штудиях в основном исследуются региолекты, сложившиеся при непосредственном участии исчезнувших к настоящему времени в русском языке диалектов, в то время как региолектам, дифференциальным признаком которых являются локальные заимствования из языков народов России, уделяется значительно меньше внимания.

Теоретико-методологическую основу исследования составило положение И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы, А. Мейе, В. И. Абаева, Ф. П. Филина о социальной обусловленности языка, положение Г. Шухардта, Л. В. Щербы о неизбежном взаимовлиянии языков при тесном общении разноязычных групп, положение В. фон Гумбольдта и Э. Сэпира о неразрывной связи языка и культуры, положение о полной или относительной семантической самостоятельности заимствованного слова, общелингвистическое положение о развитии языка и изучении заимствования

в связи с социально-историческими условиями.

В настоящем исследовании регионализмы описываются со стороны семантики, морфологической принадлежности и выполняемой функции. Однако во главу угла положена тематическая классификация, позволяющая установить сферы общения, в которых регионализмы наиболее востребованы и воздействуют на языковое сознание носителей русского языка соответствующего региона.

Впервые о северокавказских регионализмах как о лексико-тематической системе в составе русского языка писал И. Е. Гальченко. Исследователь выделил в лексике русского языка четырнадцать тематических групп слов [9, 35-36].

Следует заметить, что источником северокавказских регионализмов в работе Гальченко явилась художественная литература, в которой в качестве средства стилизации использовалась не только актуальная северокавказская лексика, но и устаревшие слова, которые следует во многих случаях рассматривать лишь в качестве экзотизмов. Предметом данного исследования являются актуальные осетинские регионализмы в составе современного региолекта Осетии, т.е. активно используемые осетинизмы в русском языке региона. Отметим, что особенностью последних является то, что они все практически являются фонетическими заимствованиями; семантические заимствования, как правило, отсутствуют.

В последнее время в связи с развитием когнитивной науки при изучении контактирования языков стали использовать когнитивный подход, сущность которого заключается в выявлении взаимодействия языковых картин мира

вследствие контактирования их носителей.

Исследование подобного взаимодействия позволяет выявить те фрагменты языковой картины мира, которые наиболее подвержены внешнему влиянию. В нашем случае при подобном взаимодействии формируется своеобразный региональный вариант языковой картины мира.

Взаимодействуя с внешним миром, человек формирует свое представление о нем. Данное представление получает у каждого народа свою языковую интерпретацию, отображающую особенности его мировидения. Говоря словами Э. Сэпира, «каждый язык по-своему членит отображаемый мир, то есть мир воспринимается носителями через призму языка» [10, 5]. Картина мира – это не конструкт мыслительной деятельности ученого, но реальность сознания личности. Ментальность человека вне лингвокультурного коллектива обусловлена именно языковой картиной мира. Если под миром понимать человека и окружающую его среду, то картина мира представляет собой результат переработки информации о мире.

В научной литературе принято различать концептуальную и языковую картину мира. При этом концептуальные картины мира, представляющие собой ментальные явления, у всех народов одинаковые, а вот языковая интерпретация у разных народов не совпадает. Следовательно, язык как бы раскрашивает концептуальную картину мира, в результате чего формируется языковая картина мира, национальная по своему характеру, которую можно выявить на основе анализа разноуровневых языковых единиц. При этом язык – это не просто код для ко-

дирования мыслей, а прежде всего их интерпретатор.

Поскольку познание человеком мира не застраховано от ошибок, оно не остается неизменным, постоянно совершенствуется и уточняется, в то время как языковая картина мира эти ошибки сохраняет, хотя они зачастую начинают осознаваться в виде метафор. Ср.: Солнце садится, воспарить душой и т.п.

Таким образом, язык не только транслирует мысли, но и внутренне их организует, передавая национально-культурный опыт. Так формируется языковая картина мира, представляющая собой закрепленные знания о действительности в различных уровнях языка – лексике, фразеологии, грамматике.

Поскольку человек воспринимает окружающий мир через посредство языка, то языковая картина мира в сознании человека предшествует концептуальной. Ведь именно в языке закреплен как общечеловеческий, так и национальный опыт народа.

Важно учитывать, что понятие языковой картины мира представляет собой метафору, то есть это не какая-то особая картина мира того или иного народа, коренным образом отличающаяся от картины мира другого народа. Если бы это было так, то народы, говорящие на разных языках, не могли бы понимать друг друга, невозможен был бы перевод с одного языка на другой. Однако переводчики не испытывают особых затруднений при переводе с одного языка на другой, даже в процессе работы с такими генетически и типологически разными языками, как, например, русский и китайский.

Таким образом, реальная картина мира у всех народов соответствует объ-

ективной реальности, а языковая картина мира придает этой картине только своеобразную национальную окраску, «обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культурой данного народа» [11, 9].

Исходя из темы настоящего исследования, следует заметить, что заимствованные из осетинского языка регионализмы придают русскому региолекту некоторую специфику, определяют осетинский колорит, маркирующий региональный вариант русской языковой картины мира.

Итак, наиболее оптимальной представляется тематическая классификация анализируемых ниже осетинских регионализмов, сфер русского языкового пространства, наиболее активно пронизанных осетинскими локализмами. Выявление указанных сфер позволит определить изменения, происходящие в русском региональном варианте языковой картины мира.

Мощный, хорошо развитый русский язык вот уже более двухсот лет взаимодействует с осетинским языком, оказывая на него сильное влияние, причем не только на лексику, но и на синтаксис и даже на фонетику. Однако при длительном контактировании языков влияние не может оставаться односторонним. Осетинский язык также воздействует на русский, а именно на русский региолект Осетии, то есть на русский язык жителей республики.

Отбор осетинских локализмов проводился в соответствии со следующими критериями. Для анализа брались только те лексеммы, которые употребляются людьми, не владеющими осетинским

языком. Подавляющее большинство собранных лексем и выражений функционируют в процессе межкультурной коммуникации; запись лексического материала производилась в формате пассивного наблюдения за коммуникантами указанного процесса. Некоторые из приведенных ниже слов были включены для анализа на том основании, что опрашиваемые респонденты указали на то, что данные слова им хорошо известны и они активно используют их в собственной речи. В подобных случаях респонденту предлагалось ответить на вопрос: «Употребляете ли вы данное слово в общении со знакомыми русскоговорящими людьми?» Если ответ был отрицательным или респондент затруднялся на него ответить, то данное слово исключалось из списка для анализа. Исследование осуществлялось в 2018-2020 гг. в процессе интервьюирования 60 человек. В основном все респонденты – жители города Владикавказа, три респондента из станицы Николаевской, три из селения Октябрьского. Запись респондентов производилась на диктофон.

Всем участникам лингвистического эксперимента был предложен список зафиксированных лексем и выражений с целью оценки степени использования зафиксированного слова или выражения. Слова, неизвестные большинству респондентов, определялись как редкие.

В русской устной речи неосетиноязычных жителей Северной Осетии относительно часто используются осетинские лексические регионализмы в номинативной функции, их употребление культурно детерминировано, так как они отражают результаты духовной и материальной деятельности осетинского народа, передают его моральные

нормы и ценности, хорошо известные носителям других языков, живущих вместе с титульной нацией.

Приводимая ниже тематическая классификация осетинских регионализмов, как уже было подчеркнуто, позволяет установить, в какие сферы общественно-политической жизни нетитульных этнических групп проникают осетинские регионализмы.

I. *Слова, обозначающие пищевые продукты, характерные для осетинского этноса.*

Особенностью осетинской национальной кухни является большое разнообразие пирогов с самой разнообразной начинкой. Абсолютное большинство русского населения приобщилось к осетинской кухне и активно употребляет в пищу осетинские блюда. Последние представлены в меню любого ресторана Осетии, что также способствует их закреплению в региолекте. Так, среди осетинских названий пирогов в активное употребление вошли следующие: олибах (*уæливых*) (пирог с осетинским сыром), сахараджин (*цæхæраджын*) (пирог со свекольными листьями), фыдчин (*фыджын*) (пирог с мясом), картофчин (*картофджын*) (пирог с картофельной начинкой), капустаджин (*капускаджын*) (пирог с капустой), нашчин (*насджын*) (пирог с тыквенной начинкой), кадурчин (*кадурджын*) (пирог с фасолевой начинкой), давончин (*давонджын*) (пирог с черемшой).

Причем наиболее распространенными и популярными являются следующие названия: олибах, сахараджин, картофчин, фыдчин, которые употребляются всеми респондентами. Синонимом к лексеме «олибах» является слово «хабисджин», также обозначающее пирог с сыром, однако оно употре-

бляется в анализируемом региолекте крайне редко. Лексемы *давонджын*, *кадурджын*, *насджын* употребляются не всеми респондентами.

Основательное закрепление в осетинском региолекте русского языка названий пирогов обусловлено тем, что они являются необходимым атрибутом любого застолья, как по радостному, так и по печальному поводу. При этом по радостному поводу подаются три пирога, а по печальному – четыре.

По свидетельству В. А. Масловой, число «четыре» в русской ментальности считается счастливым, символизирующим «универсальность, целостность, всемогущество, твердость власти, интеллекта, справедливости. Символизм данного числа связан с символикой квадрата и четырехконечного креста. Квадрат – эмблема земли у многих народов, а крест, кроме прочего, – символ целостности» [11, 91].

В осетинской ментальности число «четыре» ассоциируется с негативными коннотациями, которые в результате влияния осетинской языковой картины мира распространились на число «четыре» и в русской языковой картине мира данного региона.

Именования осетинских пирогов прочно закрепились в региолекте и хорошо адаптировались к русскому языку – имеют род, изменяются по числам и падежам (склоняются). Ср.: «Самые хорошие олибахи пекут в «Крокодиле» (название пекарни); «Мне, пожалуйста, три олибаха, три сахарджина и три фыдчина»; «Мы сюда приехали не олибахи кушать, а работать»; «Вчера были в ресторане, ели фыдчины, но они были ужасно горькие».

Многие русские жители региона нередко сами выпекают такие пироги.

Основательно закрепилось в анализируемом региолекте слово «чурек», обозначающее традиционную осетинскую кукурузную бездрожжевую лепешку, пользующуюся большой популярностью не только у осетин, но и у людей других национальностей. Данная лексема также полностью освоена русским языком, представляя собой существительное мужского рода, изменяющееся по падежам и числам, как и любое русское слово. Ср.: «Скажите, пожалуйста, у вас свежие чуреки?»

Примечательно, что слово «чурек» не является осетинским. В осетинском языке такие традиционные лепешки из кукурузной муки именуются осетинским словом *кардзын* (*нартхоры кардзын*). Скорее всего, это слово тюркского происхождения. Однако русскоязычные респонденты связывают это слово в своей русской речи именно с осетинским влиянием. Закрепилось в русском региолекте и слово «дзыка» (*дзыка*), обозначающее специфическое осетинское блюдо, приготовленное на основе муки, сметаны и осетинского сыра. Оно, несомненно, менее востребовано русскими и плохо адаптировано к системе русского языка, являясь несклоняемым существительным среднего рода. Однако отсутствие в русском языке соответствующего эквивалента обуславливает его употребление, хотя и более редкое, чем рассмотренные выше именованные пироги. Ср.: «Нам, пожалуйста, два шашлыка и две порции дзыка».

Использование в русском региолекте осетинских слов для именованных продуктов, имеющих эквивалентные русские названия, наблюдается редко. В первую очередь это касается лексемы «дзул» (*дзул*) (хлеб). Изредка употребляется осетинское слово «джитри»

(джитъри) (заимствованное из грузинского языка) для названия огурцов. Подобные лексемы совершенно не освоены русским речью.

Из наименований традиционных осетинских напитков, хорошо освоенных региолектom, является слово «арака» (*арахъ*), обозначающее национальный спиртной напиток, приготовленный из пшеницы, ячменя, кукурузы. Данное слово полностью адаптировано русским региолектom, представляя собой имя существительное женского рода, единственного числа, изменяющееся по падежам и, как всякое русское вещественное существительное, имеет форму только единственного числа. Арака востребована русскими любителями спиртного, что способствовало закреплению данного слова в региолекте.

Интересно подчеркнуть, что лексема «арака» обычно используется без определения «осетинская» (арака), а вот наименование осетинского пива встречается исключительно с указанным определением. Данный факт объясняется тем, что в осетинском регионе никакой другой араки, кроме осетинской, нет. Пиво, однако, бывает не только осетинское. Определение «осетинское» указывает на его дифференциальный признак, отличающий от обычного пива.

Изредка употребляется носителями региолекта осетинское слово «кадур» (*хъæдур*) (фасоль), обычно для именования уже готового блюда из фасоли.

Употребление подобных регионализмов обусловлено не столько их семантикой, сколько наслоениями социального характера, которые оно получило в своей конкретной национальной среде. Следует заметить, что лексема «кадур» активно используется жителя-

ми казачьих станиц. Видимо, именно под влиянием осетин казаки стали сажать эту культуру. Например, в станице Николаевской практически все жители фасоль называют кадуром: «Прошлый год я кадур не сажала, а в этом году пол-огорода засеяла».

Особо следует сказать об осетинской приправе «цахтон» (*цывзыдзæхдон*), представляющей собой листья маринованного горького перца, которые подаются к столу обычно со сметаной. Эта очень острая приправа широко употребляется в пищу практически всеми, проживающими в Осетии, и потому ее название встречается в речи всех респондентов: «Раньше полно было местных маринованных овощей – помидоров, огурцов, кабачков, патиссонов, а теперь все привозное, один только цахтон местный».

Следует заметить, что данной лексемой респонденты именуют и приправу, состоящую из сметаны и чеснока, которая в осетинском языке называется словом *нурыдзæхдон*.

II. Слова, обозначающие традиционные религиозные верования осетин, мифические образы, молитвенные места.

Подобная лексика в русской речи ярко демонстрирует воздействие осетинской языковой картины мира на русскую. Обычно указанная лексика используется при произнесении русскоговорящими людьми застольного пожелания, здравиц. Так, если на столе лежат три пирога, а за столом сидят люди разных национальностей, то тосты произносятся на русском языке. При этом первый традиционный тост – во славу Стыр Хыуцау (*Стыр Хыуцауы*) (большого, главного Бога).

Второй традиционный тост во славу святого Уастырджиджи (*Уастырджиджи*) –

покровителя мужчин, сопутствующего удаче в пути. Вот примеры подобного употребления указанных лексем: «Наш первый тост во славу большого Бога, Стыр Хыуцау. Пусть защитит он нас от бед, сопутствует нам и хранит нас»; «Второй наш тост за покровителя мужчин, святого Уастырджи. Пусть пошлет он всем нам удачу и хранит нас на жизненном пути».

Конечно, упоминание указанных божеств имеет чисто ритуальный характер, т.е. является лишь внешним проявлением существующего этикета. Более того, подобные речи обычно произносят неверующие люди, секуляризованные, не видящие особой специфики в разных религиях. Вместе с тем, указанные ритуальные формулы оказывают определенное воздействие на языковую картину мира носителей региолекта, отличающие их от носителей иных региолектов или общелитературного языка.

Данная лексика представляет собой своеобразный стилизующий элемент речевого порядка, воспроизводит прошлое народа, связывая его с настоящим. Как уже было отмечено выше, упоминание указанных божеств носит ритуальный характер, но сохранение их в языковой памяти народа говорит о том, что они оставили глубокий след в его ментальности.

Довольно широко используется в региолекте Осетии общесеверокавказский регионализм «нарты», вошедший в русскую речь региона через посредство осетинского языка.

Нарты – герои осетинского эпоса и других народов Северного Кавказа. Примеры употребления данной лексемы в русской речи: «Ваш Сослан здоровый, как нарт»; «Что вы о себе возом-

нили? Из страны нартов пришли что ли?» Слово «нарт» полностью усвоено русским языком – является именем существительным мужского рода, изменяется по родам и числам. От него образуются имена прилагательные «нартский», «нартовский». Пример из речи: «Я уже прочитал половину нартского эпоса».

В осетинском региолекте русского языка используется также слово «дзуар» (*дзуар*), обозначающее молитвенное место осетин. Например: «Не доезжая Змейки (станции Змейской), поставили большой дзуар».

Важное место в русском региолекте Осетии занимает лексика, служащая обозначению бытовых обрядов, обычаев, праздников и др. В группе данной лексики наиболее актуальными представляются лексемы «кувд» (*кѳуыѳд*) и «кахс» (*кѳахс*).

Кувд – это пир, устраиваемый по какому-либо случаю: по случаю дня рождения, достижения какого-либо успеха, встречи дорогого гостя и т.п. Русские люди, проживающие в Осетии, нередко ходят на подобные мероприятия, поэтому слово это в русской речи хорошо освоено. Оно относится к мужскому роду, изменяется по числам и падежам. Ср.: «Сосед организует фамильный кувд»; «Сослан устроил кувд по случаю возвращения сына из армии».

Активно используется в русском региолекте Осетии слово «хун» (*хуын*). Традиционно хун – это обрядовое подношение, состоящее из трех пирогов, вареного мяса или шашлыка и кувшина с аракой или пивом. В настоящее время под словом «хун» (*хуын*) понимается приношение при посещении соседей, близких, друзей в случае какого-либо торжества. Со словом «хун» связана

лексема *хай*, также активно используемая респондентами, не владеющими осетинским языком. Хай понимается как гостинец, который передают участнику застолья для угощения своих домочадцев.

III. В собранном материале встречаются слова, обозначающие пространственные понятия.

«Хадзар» (*хадзар*). В прошлом это слово обозначало жилище осетин, дом. В настоящее время оно используется носителями региолекта только для именования длинных, как правило, одноэтажных строений, предназначенных для проведения общественных мероприятий разного рода. Хадзар практически есть в каждом дворе современного Владикавказа. Слово полностью адаптировалось в русском языке: относится к существительным мужского рода, склоняется, находится в активном употреблении у всех респондентов. Ср.: «Понастроили гаражей во дворе – не пройти уже, не то что проехать. Уже и весь хадзар облепили своими пристройками»; «У нас в хадзаре и зимой тепло, мы в него прошлый год газ подвели»; «Все эти самострои надо снести, оставить только хадзары».

Употребление и адаптация осетинских регионализмов в русском региолекте обусловлены потребностью в именовании неизвестных ранее для русского человека понятий и предметов, новых значений и смысловых оттенков, их актуальностью и социальной значимостью. Ушедшие из активного употребления слова могут вновь вернуться, правда, уже с измененным значением.

Так произошло со словом «ныхас», которое в далеком прошлом обозначало место в селении, где собирались ста-

рики для бесед, обсуждения каких-либо вопросов. В настоящее время данное слово используется для обозначения общественной организации в Осетии – «Стыр Ныхас», т.е. «Большой ныхас».

IV. Регионализмы, обозначающие людей по возрасту, национальности, социальному положению.

Широко употребляется слово «лаппу» (*лаппу*), обозначающее мальчика, парня, неженатого мужчину, даже если он уже немолодой. Наиболее часто данное слово используется в сочетании «дзабахлаппу» (хороший парень). Указанное сочетание употребляется по отношению к молодому человеку с хорошей репутацией с точки зрения традиционных осетинских ценностей: с уважением относится к старшим, вежлив, активно участвует в общественных мероприятиях, всегда готов прийти на помощь. Сочетание используется с положительной коннотацией. Ср.: «Он ведет себя культурно, не кричит, не перебивает, всегда поможет. Настоящий дзабахлаппу».

Для характеристики скромной девушки используется лексема «чинза», нередко с определением «осетинская чинза». Ср.: «Агунда – скромная и хорошая девушка, настоящая чинза».

Активно используется респондентами лексема «хицау» в значении «начальник». В русской речи это слово нередко используется с ироническим оттенком. Ср.: «Тоже мне, хицау нашелся». Русским языком оно освоено слабо: в отношении рода не маркировано, может обозначать как лицо мужского пола, так и женского, склонение у него отсутствует. Все это говорит о невысокой степени его актуальности в речи носителей региолекта.

Следует также заметить, что указан-

ная лексема может использоваться и без какой-либо иронической коннотации, выступая вместо русских исконных и заимствованных слов «босс», «начальник», «шеф». Ср.: «Хисау у нас хороший, всегда идет навстречу».

В активном употреблении респондентов и лексема «хиштар», обозначающая распорядителя за столом, тамаду. Иногда говорят о втором и третьем хиштаре, сидящих по правую и левую руку от первого хиштара. Ср.: «Сардион у нас хиштар с большим стажем, так что ему доверим стол».

Относительно редко используется лексема «урушаг» (*уырыссаг* – «русский»). Ср.: «Они же знают, что я урушаг и не понимаю по-осетински».

С отрицательной коннотацией используется лексема «ардабон», «ардабонец», оцениваемая некоторыми респондентами как оскорбительное название человека осетинской национальности. В русском языке это слово хорошо адаптировано, имеет род (ардабонец, ардабонка), изменяется по падежам и числам, от него образуется имя прилагательное ардабонский.

Относительно редко, причем пожилыми респондентами, используется слово с выраженной экспрессивно-оценочной коннотацией «хальюзых», в других огласовках «халиузых», «халюза», восходящее к осетинскому *хæлиудзых*, означающее «раззява», «ротозей». Обычно респонденты употребляют его в небольших высказываниях типа: «Снова вляпался в ту же лужу. Хальюзых!» Слово освоено русским языком слабо, в косвенных падежах и во множественном числе оно не употребляется.

Довольно редко, причем только в речи мужчин, используется лексема

«хиштхор» (*хистхор*), обозначающая человека, ходящего на все поминки ради того, чтобы хорошо поесть. Данная лексема встретилась в диалоге двух пожилых мужчин: «– Ты идешь к Хетагу на третью пятницу? (речь идет о поминальном столе, приготовляемом к третьей пятнице после смерти поминаемого) – Нет, конечно, там будут только близкие родственники и соседи, а я что, хиштхор что ли?»

Для обозначения быка в осетинском языке используется лексема «гал». Однако нашими респондентами она не употребляется в прямом значении. 3 человека из 41 употребили его в переносном значении о человеке крупного телосложения. Ср.: «Слушай, Александр, как твой Вова вымахал (=вырос), прямо как гал стал».

V. Из предметов одежды и обуви было зафиксировано всего два относительно редко используемых осетинских слова «карс» (*кæри*) и «забарды» (*дзэбыртæ*). При этом под карсом понимается дубленка кустарного производства. Это слово было частотным в речевом употреблении в 70-е гг., когда дубленки были большим дефицитом. Ср.: «Представь, он идет в старом поношенном карсе, все на него оглядываются».

Слово «забарды» также используется довольно редко. Обычно под ним понимается старая поношенная обувь или новая, но немодная обувь. Зачастую слово характеризуется ироничной коннотацией: «Что это у тебя за забарды? Ты их, наверное, на последней распродаже приобрел?»

VI. Отдельную группу среди осетинских регионализмов составляют *этикетные формулы обращения, приветствия, прощания, клятвенные слова, выражение удивления, сочувствия.*

Хорошо известно, что речевой этикет является важнейшим компонентом культуры человека. Как показало исследование, наблюдаемые респонденты довольно активно используют в своей речи заимствованные из осетинского языка этикетные формулы, сопровождая их неречевым этикетом, с которым они составляют нерасторжимое единство. Легкость проникновения осетинских этикетных регионализмов в русскую речь объясняется, на наш взгляд, их общечеловеческим содержанием.

Используя осетинские этикетные формулы, респонденты учитывают их отношения с другими людьми, т.е. отношения равенства и неравенства, далекие и близкие, холодные и теплые.

Наиболее распространенным словом-приветствием среди опрошенных респондентов является лексема «шалам», служащая выражению непринужденных близких отношений. Она наиболее характерна для речи молодежи. Значительно реже используется выражение дабон хорш (добрый день) и еще реже – райшом хорш (доброе утро) и ижар хорш (добрый вечер).

Как известно, в русском языке приветствия «доброе утро», «добрый день», «добрый вечер» представляют собой по происхождению кальки с соответствующих немецких формул *guten Morgen*, *guten Tag*, *guten Abend*. Русской народной культуре они были чужды и использовались лишь образованными людьми. В настоящее время подобные приветствия носят оттенок официальности. Наиболее нейтральным приветствием является лексема «здравствуйте». Лексема «привет» в русском языке имеет оттенок фамильярности, и в этом отношении более приемлемым осетинским эквивалентом представляется лексема

«шалам». Очевидно, поэтому она и обладает в региолектах Осетии наибольшей употребительностью, тем более что все анализируемые регионализмы характерны для устной неофициальной речи. Что касается осетинского приветствия «агашцу» (*агъас цаут*), то оно опрошенными респондентами фактически не употребляется.

Осетинские формулы прощания также активно используются в современном региолекте. При этом чаще всего используется лексема «фандарашт», несколько реже употребляется слово «дзаба хут» (*дзæба хут*).

Для выражения благодарности многие респонденты используют осетинское слово «бужнак» (*бузныг*) вместо русского «спасибо».

Использование подобных слов, у которых есть соответствующие русские эквиваленты, придают русской речи специфическую территориальную окраску.

В частом употреблении у респондентов слово «куду»? (*куыд у*) «как дела? как поживаешь?» Ответом на этот вопрос чаще всего бывает «хорш» (хорошо), «дзабах» (хорошо) или «шабаргай», реже «гыцылгай» (помаленьку, потихоньку). В шутку иногда на подобный вопрос с использованием осетинизма респонденты отвечают в рифму русским словом «на ходу», в результате возникает своеобразная игра слов: «– Иван, куду? – На ходу».

Довольно редко используется респондентами лексема «сауштон» (*хунцауы стæн* – «клянусь Богом, ради Бога»). Данная лексема встретила в высказываниях только двух респондентов, использовавших его в качестве вводного слова. Одному из этих респондентов был задан прямой вопрос

относительно значения указанного слова, на что последовал ответ: «Сауштон – это значит по-русски «честное слово, клянусь». Я так говорю, когда на сто процентов уверен, что говорю правду». Ср.: «Он уже приехал, сауштон, я его утром видел»; «Ты можешь поверить, за четыре дня я заработал у него двадцать тысяч, сауштон».

Заслуживает внимания лексема «махадзар» (*ма̄ хадзар* – в буквальном переводе означает «мой дом»).

Данное восклицание респондентами-мужчинами практически не используется. Относительно часто его употребляют в своей речи женщины. Подобное восклицание служит передаче значительного удивления, ужаса и страха от полученной информации, выражению сочувствия собеседнику по поводу постигшего его несчастья, горя и т.п.

VII. Отдельную группу составляют глагольные лексемы разных грамматических форм, являющиеся названиями тех или иных действий. Среди них выделяется глагол «амарди» (умереть), употребляемый как в прямом значении об умершем человеке («У нее бабушка амарди»), так и в переносном, когда речь идет о внезапно вышедшем из строя механизме. В таком случае отчетливо прослеживается иронический оттенок. Ср.: «Я попросила у нее фен, а она сказала, что он у нее уже давно амарди».

Изредка употребляется глагол фаси (оканчиваться). Ср.: «Урок фаси, перемена».

В качестве шутки в конце длительного объяснения чего-либо некоторыми респондентами используется регионализм «бамбарштай», означающий «ты понял»? Следует ответ: «Бамбарштон» (я понял) или «О» (да).

Из других слов следует отметить лексему «мака» (перестань, не делай). Подобный возглас респонденты обычно используют по отношению к малышам. Ср.: «Куда ты лезешь в эту грязь, не трогай руками. Мака!»; «Сидите тихо! Мака болтать».

Изредка используется респондентами лексема «мидама» (*мидама̄*) в значении «заходи», «не стой на пороге».

Чрезвычайно употребительно респондентами слово «шпад» (*спад*) (сядь, садись). Обычно оно употребляется в общественном транспорте, когда пассажиру предлагают сесть, но не исключается его использование и в других ситуациях. Широкое распространение в Осетии получила производная шуточная присказка «шпадам рядом», привлекательная своим созвучием.

В общественном транспорте многие респонденты используют слово «баурум» (*баурум*) (останови). Ср.: «Я же сказал ему: «Останови на больнице. Баурум, баурум!».

Широко распространено и выражение «Бира ма дзур» (*бира̄ ма дзур*) (много не говори). Оно употребляется в том случае, если человек говорит либо что-то нехорошее, либо просто чересчур многословен.

VIII. Редко используются в русской речи осетинские имена числительные, в основном от одного до пяти: ю (*иу*), два (*дыууа̄*), арта (*арта̄*), цаппар (*цыппар*), фондз (*фондз*). Ср.: «– Ты что получил по контрольной? – Цаппар»; «– У тебя сколько братьев? – Ю». «– Сколько дней ты не ходила в универ? – Фондз».

Особого внимания заслуживает лексема ахца (*ахца̄* – деньги), относительно часто используемая респондентами в их речи. Иногда это слово употребляется с той же семантикой, что и

в осетинском языке, с некоторой долей иронии. Порой оно употребляется в качестве смягчающего эвфемизма вместо русского «деньги». Указанная лексема используется также в сочетании «ахса нали» (*æхцæ нал и* – «денег больше нет»). Она может быть употреблена в своем прямом значении, однако чаще – в переносном: имеется в виду отсутствие чего-либо в широком смысле, а не только денег. Ср.: «Зиза нали (*дзидза нал и* – «мяса больше нет») или «арах нали» / «арак нали» (*арахъ нал и* – «арак больше нет»).

Итак, совместное длительное проживание на общей территории осетинского и русского народов, постоянные языковые контакты, двуязычие, расположение русскоязычных жителей к принятию осетинизмов (аланизмов) обусловили лексические заимствования не только из русского языка в осетинский, но и наоборот – из осетинского языка в русский. Это обусловлено самой природой языковых контактов: любой долговременный этнический контакт не может быть односторонним.

Осуществленный лингвистический эксперимент, проведенный в виде интервью и диктофонной записи непринужденной устной коммуникации русскоязычных лиц, не владеющих осетинским языком, позволил установить массив заимствованной осетинской лексики в русском региолекте РСО-А, состоящий из 8 тематических групп.

Все осетинские регионализмы относятся к сфере быта, в которой наиболее широко представлены названия осетинских блюд, именованья по возрасту, национальности, социальному положению, этикетные формулы, названия мифических существ.

Данный факт обусловлен двумя при-

чинами. Во-первых, основное функционирование осетинского языка осуществляется именно в сфере быта. В других сферах деятельности используется русский язык. Во-вторых, именно в сфере быта и представлена главным образом безэквивалентная лексика, заполняющая существующие лакуны в русском региолекте. Основными причинами использования осетинизмов (аланизмов) в русской речи жителей региона являются следующие: потребность в наименовании предметов, понятий, отсутствующих в русской культуре; введение видовой номинации (номинативно-конкретизирующая функция: карс, лывжа и др.), замена русских эквивалентов в связи с различными риторическими задачами: создание определенной атмосферы общения, установление контакта, привлечение внимания, воздействие на ход беседы, усиление экспрессии фатической функции, установка на языковую игру.

В результате проделанной работы был выявлен лексико-семантический и социолингвистический статус регионализмов. Было установлено, что в ядре словаря бытовой речи располагаются нейтрально-номинативные регионализмы лексических групп «наименования блюд и напитков», «наименования божеств и мифических существ», «наименования лиц по возрасту и социальному положению». Употребление эмоционально-экспрессивных регионализмов носит ситуативный характер.

В рамках региональной русской речи регионализмы становятся источником пополнения конкретно-бытовых и эмоционально-экспрессивных лексических групп.

Перспективным представляется исследование регионализмов в ком-

муникативно-прагматическом аспекте в различных речевых жанрах, а также функционирование регионализмов в других сферах общения (республиканские средства массовой информации, художественная литература, бизнес и др.).

Актуальным направлением в рамках развития указанной темы является

и наблюдение над влиянием осетинских заимствований на структуру русской ментальности. Кроме того, интересным представляется, на наш взгляд, сравнительный анализ процесса заимствования регионализмов в русский язык в проекции названного процесса на разные регионы, в частности разные регионы Северного Кавказа.

-
1. Полякова Л. Филологическая регионалистика // Вопросы литературы. 2015. № 3. С. 186-201.
 2. Трубинский В. И. Современные русские диалекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Псков, 1991. С. 156-162.
 3. Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб., 2001.
 4. Грузберг Л. А. Региолект // Филолог. 2010. № 11. [Электронный ресурс]. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_11_208
 5. Оглезнева Е. А. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 119-136.
 6. Хорошева Н. В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках: Российская и зарубежная филология // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 3 (15). С. 32-36.
 7. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010.
 8. Ерофеева Т. И. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь, 2003.
 9. Гальченко И. Е. Лексика языков народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1976.
 10. Сэпир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
 11. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск, 2004.

Kunavin, Boris V. – K. L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia); vladraikun@mail.ru

Lazarova, Irina A. – Kh. Mildzikhov secondary school No 15 (Vladikavkaz, Russia); vladraikun@mail.ru

LOCAL LEXICAL BORROWINGS AS A MULTICULTURAL PHENOMENON IN THE RUSSIAN REGIOLECT OF THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA-ALANIA.

Keywords: *regiolect, regionalism, cultural marker, regional subculture, linguistic picture of the world, multilingual society, localism, vocabulary.*

The relevance of the problem under consideration in the general linguistic aspect is associated with regional variation of the Russian language, and in the special linguistic plan with insufficient knowledge of it in the territory of North Ossetia-Alania. Such study makes it possible to get acquainted with the features of its functioning in a multicultural space, interaction with various areas of the Ossetian language picture of the world, as well as identify regional cultural markers. The purpose of the study is to study in the communicative space of North Ossetia-Alania the lexical and semantic features of the regional version of the Russian language, due to lexical borrowings from the Ossetian language, reflecting the impact of Ossetian culture on Russian regional culture. To achieve this goal, the following methods were used: descriptive (collection of material, processing, interpretation and generalization), including methods of comparison, typology of the analyzed material; sociolinguistic (observation technique, including questioning, interviewing, experiment); linguoculturological, involving the study of linguistic phenomena in close connection with the culture of native speakers. The scientific novelty of the work lies in the fact that it investigated the Ossetian regionalisms that are relevant, socially and culturally significant for the modern local Russian-speaking society, identified areas of the linguistic picture of the world of native speakers of the Russian language that are most affected by the Ossetian language. It is established that the functioning of Ossetian localisms by native speakers of the Russian language is due to psychological, social, cultural interaction with native speakers of the Ossetian language. The dynamics of the functioning of regionalisms depends not only on their own linguistic «weight», but also on cultural significance. It is proved that the use of Ossetian regionalisms by Russian-speaking speakers is not perceived by them as non-prestigious, but is considered as a means of identifying them in the cultural space of their region, which is due to both historical and sociocultural reasons. As a result of the work done, the following results were obtained. The regional version of the Russian language in the territory of the North Ossetia-Alania is associated with the borrowing process, which demonstrates a different degree of development and thereby the sustainable and situational use of the word borrowed from the Ossetian language in the Russian utterance. The lexical and semantic specificity of the regional version of the Russian language on the territory of North Ossetia-Alania lies in the fact that it includes a certain number of Ossetian regionalisms that fill the existing gaps mainly in the field of everyday communication. The use of Ossetian regionalisms by native speakers of the Russian language is always motivated: regionalism acts as a unit of special nominative, semantic, expressive content, functioning in a situation of informal communication, when social control over speech is manifested to a lesser extent. It is these qualities that ensure the sustainability of regional phenomena in the Russian language. Regionalisms are heterogeneous in the lexical-grammatical and semantic-thematic aspects.

REFERENCES

1. Polyakova, L. *Filologicheskaya regionalistika* [Philological regional studies]. *Voprosy literatury* [Questions of literature]. 2015, no. 3, pp. 186-201.
2. Trubinsky, V.I. *Sovremennye russkie dialekty: primety stanovleniya* [Modern Russian dialects: signs of formation]. *Pskovskie govory i ikh okruzhenie* [Pskov dialects and their environment]. Pskov, Pskov State Pedagogical Institute, 1991, pp. 156-162.
3. Gerd, A. S. *Vvedenie v etnolingvistiku: kurs lektsii i khrestomatiya* [Introduction to Ethnolinguistics: Lecture Course and Reading Book]. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2001. 488 p.
4. Gruzberg, L. A. *Regiolekt* [Regiolect]. *Filolog* [Philologist]. 2010, no. 11 [electronic resource]. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_11_208
5. Oglezneva, E. A. *Dal'nevostochnyi regiolekt russkogo yazyka: osobennosti formiro-*

vaniya [The Far-East regiolect of the Russian language: features of formation]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific coverage]. 2008, no. 2, pp. 119-136.

6. Khorosheva, N. V. *Regiolekt kak promezhutochnyi idiom vo frantsuzskom i russkom yazykakh: Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Regiolect as an intermediate idiom in French and Russian: Russian and foreign philology]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Perm University Herald]. 2011, iss. 3 (15), pp. 32-36.

7. Zhrebilo, T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Nazran, Pilgrim, 2010. 486 p.

8. Erofeeva, T. I. *Veroyatnostnaya struktura idiomov: sotsiolingvisticheskii aspekt* [The probabilistic structure of idioms: the sociolinguistic aspect]. Perm, Perm State University, 2003. 320 p.

9. Galchenko, I. E. *Leksika yazykov narodov Severnogo Kavkaza v russkom yazyke* [Vocabulary of languages of the peoples of the North Caucasus in Russian]. Ordzhonikidze, North Ossetian State University, 1976. 100 p.

10. Sapir, E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii* [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies]. Moscow, Infra, 1993. 314 p.

11. Maslova, V. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Minsk, Tetra-Sistem, 2004. 256 p.